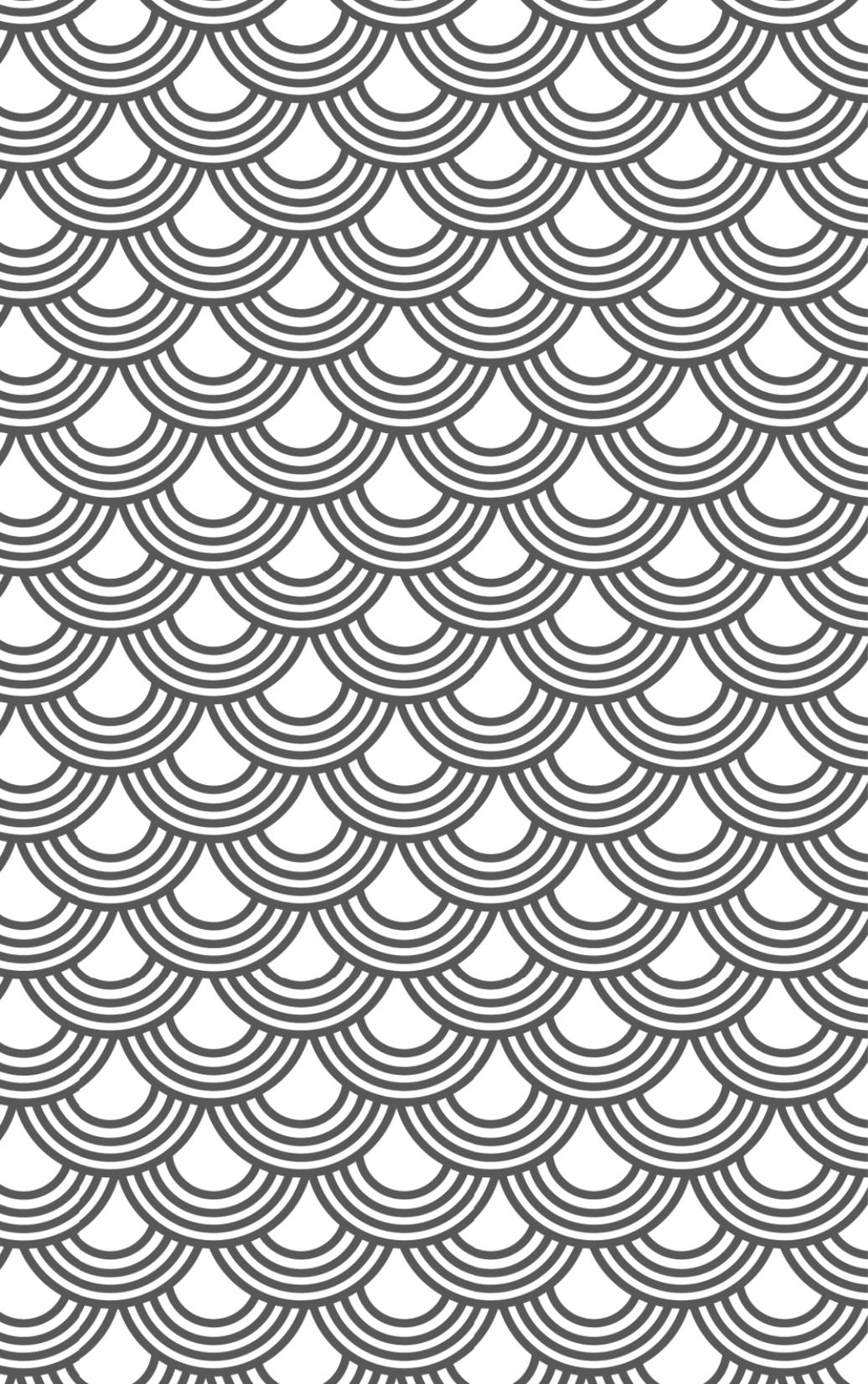

*Посвящается корейской половине
моей семьи и маме, которая сказала,
что писать посвящения мне ещё рано.*

Происходящее в драме частично основано на исторических событиях Корейского полуострова времён XVI века, но персонажи, инциденты и упомянутые факты не соответствуют правде. Все совпадения с реально существующими людьми случайны.

О
Т
С
У
Т
С
Т
В
И
Е
П
Р
Е
Д
Е
Л
А

*Остров Цусима, 1580 год,
год Металлического Дракона*

Делегация из Чосона — мастер Вонгсун, два его ученика и небольшой отряд — прибыла в храм Белого Тигра одновременно с японцами. Генерал Тоётоми, его сын и пехотинцы-асигару ждали у западного склона горы. Мастер Вонгсун поклонился, его ученики, весело переглянувшись, тоже согнулись в приветственном поклоне. Генерал удостоил их лёгким кивком головы.

Японский отряд поднимался по горной тропе первым, мастер Вонгсун и его ученики шли позади.

— У него такие начищенные доспехи, — шептал старший ученик мастера, глядя в спину генеральского сына, — хорошая из него мишень получится в солнечный день.

Младший ученик усмехнулся и возразил:

— Он вряд ли выезжает из арьергарда на передовую.

— Тогда ему и доспехи ни к чему...

— Что я вам говорил, — прервал ехидные шутки своих подопечных мастер Вонгсун, — проявите уважение. Сын генерала прибыл сюда не для вашего зубоскальства.

— А чтобы хоть кому-то показаться в новых доспехах, — хохотнул старший ученик. Младший засмеялся, толкнул его в бок на повороте тропы. Сопровождающие их воины сделали вид, что ничего не замечают.

Храм Белого Тигра ждал обе делегации, распахнув истёртые временем двери. На пороге стояла, смиренно ожидая приближения гостей, Лан, молоденькая с виду дочь шаманки. Она поклонилась генералу и мастеру и тихо сказала:

— Она ожидает вас. Всё готово.

Генерал и мастер зашли в храм друг за другом, ученики мастера шли следом и продолжали шептаться, и их тихие голоса теперь, вместе с заплутавшим ветром, уносились ввысь, под старые своды храмовых стен и крыши, и застревали там в пыльной паутине:

— Зачем в этот раз японцы прислали целого генерала? Ещё и сына притащил!

— А нас зачем позвали, ты, глупый?

— Один из нас преемник мастера, а второй будет его Хранителем, нас наставления Кэмеко больше всех касаются!

— Это ещё не решено наверняка.

— Много ты понимаешь. Ты младше меня, вот и не знаешь ничего.

Они приблизились к помосту, на котором восседала шаманка Кэмеко — седовласая старуха с изрезанным морщинами лицом, под которыми скрывались старые шрамы от когтей лисицы. Прежде жители острова считали, что она кицунэ¹. Кэмеко не спускалась с горы уже более двадцати лет, а лисиц в лесах Цусимы не видели ещё дольше, и слухи со временем переплелись с местными сказками.

Окружённая ворохом белых одежда Кэмеко сидела с абсолютно прямой спиной и смотрела на прибывших за её советами отстранённым взглядом: один глаз у неё

¹ В японском и китайском фольклорах демоническая лисица-оборотень, способная принимать облик человека. По преданиям, эти существа отличаются мудростью, длинной жизнью (иногда измеряемой в сотнях лет) и различными магическими способностями.

был затянут бельмом; вторым, серым, она смотрела только вперёд, и было не совсем понятно, видит ли шаманка своих гостей или только прислушивается к их осторожным шагам.

Генерал Тоётоми и мастер Вонгсун сели перед шаманкой на колени и низко поклонились. Сын генерала и ученики мастера остались стоять поодаль, за вторым кольцом деревянных колонн, окружающих главный помост. Младший ученик рассматривал посеревшие от времени изображения белого тигра на стенах храма, старший ковырял носком сандалии дыру в истлевшей половице.

— В прошлый визит ты был старше, — выдала вдруг шаманка хриплым голосом, глотая звуки. Было непонятно, к кому она обращается: голову старуха не поворачивала ни в одну сторону, руки держала на коленях, и дрожащие пальцы указывали в пол.

— Десять лет назад вас навещал Асано-сан, мой тесть, — склонился с ответом генерал Тоётоми.

— А с тобой был сын, — сказала шаманка, на этот раз мастеру Вонгсуну. Мастер прижал ладони ко лбу и тоже поклонился.

— Это был мой старший ученик, Кэмеко-сан. Не сын. Но он и сегодня со мной.

— Не с тобой он, — возразила старуха, понизив голос. — Вижу, он покинул тебя.

Ученики не понимали японского и не знали, что встревожило их мастера — только по дрогнувшей спине поняли, что беседа с шаманкой идёт не так, как мастер Вонгсун предполагал.

— А твой сын по чужой земле ходит, — продолжала Кэмеко, теперь обращаясь к генералу. — Ест и сытым не становится.

Генерал Тоётоми не изменился в лице, но рядом стоящие асигару заметили, как заходили желваки у него под кожей. Ученики мастера переглянулись, пожали плечами, и младший не сразу расслышал скрипучий голос старухи Кэмеко:

— Всех время рассудит... И металлический дракон.

Мастер Вонгсун и генерал одновременно вскинули головы и посмотрели на неподвижную шаманку.

— Металлического дракона не видели сотни лет, Кэмеко-сан, — напомнил Тоётоми. Его сын, стоящий вдалеке от помоста на одном уровне с учениками мастера, сделал шаг вперёд, но ему преградила путь дочь шаманки.

Седьмой раз приглашала Кэмеко гостей в свой храм огласить пророчество на грядущее десятилетие — и ни разу за всё это время никто не осмеливался прерывать её речи. Генеральский сын не станет исключением и сегодня.

— Вижу, война грядёт, — прохрипела старуха надрывно. — Судьба мира ляжет на плечи наших детей. Тяжёлое будет время. Бездна следит за нами. Закрыты глаза её, но поднимет она свои веки.

Генерал сердито вздохнул, мастер Вонгсун принял тяжёлые слова со смирением.

Кэмеко вдруг хрипло втянула ртом воздух; завыл внезапно прорвавшийся в храм ветер, просвистел мимо учеников мастера и мимо генеральского сына, взвился вдоль колонн под крышу. В визгливых порывах гости шаманки услышали её последние слова:

— *И явится из чёрной Бездны металлический дракон, и выберет путь — его выбор предрешит исход войны.*

Ч
Ё
Р
Н
А
Я
Д
Ы
Р
А

•

В
Е
Л
И
К
И
Й
П
Р
Е
Д
Е
Л

1

*Пусан, Южная Корея, 2024 год,
год Деревянного Дракона*

Проклятье!

Мысленного ругательства было мало — Сон Йонг пнула ножку стола и тут же об этом пожалела: ноутбук задребезжал по неровной поверхности, стакан с кофе опасно качнулся, грозя опрокинуться и затопить приторно-сладким латте и без того поганые результаты её вычислений. Она схватилась за стаканчик, продолжая ругать равнодушные цифры на мониторе компьютера.

От неё требовалось только пересчитать данные и сообщить руководителю Паку, что он всё сделал правильно, — от этого зависел успех презентации её отдела в завтрашнем демонстрационном дне, когда весь институт представляет свои проекты на следующий год. А теперь Йонг смотрела на цифры в таблице и не могла понять, где допустила ошибку.

Пожалуйста, пусть всё сработает как надо, пусть это только глюк системы! Йонг запустила данные в обработку в третий раз — компьютер подвис на мгновение и выдал ей не красивую кривую в графике изменения аккреационного диска чёрной дыры, а восемь ломаных

линий, больше похожих на лапы паука, чем на что-то вменяемое.

Проклятье, чтоб её!

Руководитель Пак вернётся с собрания в шесть вечера, сейчас на часах только половина четвёртого. Если Йонг забудёт на обед, то успеет перепроверить всё ещё раз... И пусть боги помогут ей с этим.

— Говорят, к нам переводят новичка из вышестоящего отдела, — бодро заявила Юна со своего места.

— Я слышал, он ничего не умеет делать, потому его и переводят, — отбрил Тэгён, не отрываясь от компьютера. Он строил из себя трудоголика, но всем было известно, что он главный лентяй в офисе: руководитель Пак два раза в этом месяце ловил его за игрой в какие-то китайские аркады. Тэгёну всё сходило с рук, потому что он оба раза умело подлизывался к начальству. Скользкий везучий тип.

— Сон Йонг, Ким Рэвон-щи¹ ничего про это не знает?

— А?

Юна выкатилась на стуле в проход и нашла взглядом сторбленную спину подруги, сидящую через три пустующих стола от неё.

— Сонбэ² ничего про новичка не знает? Его переводят из отдела М-87. Я слышала, он там не прижился, хотя умненький.

— Не слышала, — отмахнулась Йонг, — прости, Юна, у меня тут...

Новая проверка опять выдала какую-то ересь. Йонг с досады ударила кулаком по столу; тот загромыхал вме-

¹ Частица для формального уважительного обращения в корейском этикете, аналогично старому «госпожа-господин» или «миссис-мистер».

² Обращение младшего коллеги к старшему по корейскому этикету.

сте с ноутбуком, сваленными в кучу блокнотами и пустыми стаканчиками из-под кофе, Тэгён испуганно ойкнул и вскочил с места.

— Сон Йонг! Скажи руководителю, что отчёт верный, его всё равно перепроверять не будут. Разберёшься после демо-дня.

— Не могу, — сердито ответила Йонг. — После демо-дня все презентации уйдут в М-87, я не хочу, чтобы они получили от меня чушь вместо адекватных данных.

— Ну, там тебя твой жених прикроет, — съехидничал Тэгён. Йонг посмотрела на него поверх перегородки между их столами и чуть не плюнула в его сторону.

— Он мне не жених, — едва слышно процедила Йонг.

— Ну, будешь так волосы на себе рвать, он им и не станет, — согласился Тэгён без задней мысли. Йонг взглянула на него с недоумением, и он кивнул: — У тебя на голове уже не причёска, а гнездо. Много нервничаешь, Сон Йонг, а отчёт даже не твой. Брось его и иди на свиданку со своим любимым сонбэ, чего зря переживать.

Слабенький голосок внутри Йонг нашёптывал ей, что стоит согласиться с коллегой, оставить чужие ошибки и отправиться на особое свидание с Рэвоном, о котором она успела размечтаться — даже надела новые туфли, и они стёрли ей пятки до крови за те пару часов, которые Сон Йонг потратила на отчёт. В конце концов, уговаривал её голос, руководитель Пак не похвалит Йонг, если она вернёт ему отчёт с ошибкой, да ещё и сообщит об этом прямо перед демо-днем. И сонбэ будет ждать её...

Но это она будет завтра смотреть презентацию из общего зала и ждать вердикта от руководящего состава института, она будет нервничать и переживать, что закрывшаяся ошибка повлияет на все дальнейшие вычисления...

И это она выест себе печень, словно кумихо¹, если не исправит всё сегодня.

Проклиная себя и помня, что Рэвон терпеливее и добрее, чем сама Йонг, она вернулась к вычислениям.

Рэвон ждал её в кафе на первом этаже: сидел у окна с подносом, на котором стоял стаканчик с кофе. Кафе уже не работало, в зале царил комфортный глазу полумрак — идеальная атмосфера для тихой беседы. Хотя Рэвон обещал провести этот вечер в более романтичном месте; оттого волновалась Йонг в три раза сильнее, чем на их первом свидании.

Она застыла в дверях, пригладила растрепавшиеся волосы и оглядела себя в мелькнувшем в изогнутой поверхности колонны отражении. Светлая блузка (это что, пятнышко от кофе на воротничке?), чуть мятые брюки... Но в целом Йонг выглядит прилично для той, кто провёл несчастные два часа, согнувшись над столом с отвратительным отчётом. Зато она нашла, что искала (вечно эта невнимательность!), и получила красивый график.

Она натянула на лицо чуть дрожащую улыбку и прошла до стола, где её поджидал Рэвон.

— Сонбэ, — тихо позвала Йонг. Тот обернулся; в тени, мазнувшей его по щекам, лицо Рэвона показалось ей серьёзнее обычного, словно заострившееся, осунувшееся и оттого непривычно холодное.

— О, Сон Йонг-ши! Всё хорошо?

Йонг коротко кивнула и села за столик.

¹ В корейской мифологии — лисица-оборотень. По преданиям, кумихо обращались в красивых девушек, соблазняли мужчин, а потом съедали их печень или сердце.

— Прости, мне пришлось задержаться, я там... Неважно. Не хотела заставлять тебя ждать.

— Это ничего, Сон Йонг, — улыбнулся сонбэ и покраснел. Йонг прикусила щёку изнутри, чтобы не расстечься смущённой лужицей по стулу. Это ведь очень ответственное свидание, верно? Рэвон не зря намекал всю неделю, что сегодняшней вечер запомнится ей на долго...

— Я-э... — Йонг заметила, как сонбэ стискивает руки в кулаки и тут же их разжимает. Явно нервничает: словно не знал, что Йонг, как маленькая, ждала подобного свидания с ним все полгода их стремительных отношений.

— Пойдём, Сон Йонг-щи. — Он улыбнулся и встал с места. — Я хотел бы отвезти тебя в особенное место, ты не против?

Йонг запнулась о ножки столика; сонбэ вовремя подставил ей руку и не дал упасть. Она же не придумала себе этот вечер? Сонбэ действительно готов задать ей *тот самый* вопрос!

Ким Рэвон перевёлся в их пусанский космический институт из столичного и сразу же стал звездой: говорили, в его отделе парня умнее не было, его доклады о поведении чёрных дыр заставляли всех остальных коллег в М87 кусать локти. Руководство гордилось им и негодовало, отчего он не приехал к ним раньше и зачем Сеул скрывал такой талант от Пусана. Йонг нравилось, что Ким Рэвон был неизменно вежлив со всеми, а ещё — что он осторожно улыбался всякий раз, как замечал на себе её взгляд во время обеда. Если бы Рэвон не пригласил её погулять через месяц после знакомства, Сон Йонг сама бы не выдержала и наведалась в офис М87 с шоколадом¹ и неуклюжим признанием в любви.

¹ В Корее шоколад принято дарить в День всех влюблённых в качестве универсального подарка. Сладости на 14 февраля обычно преподносятся мужчинам.

— Твоя группа готовит доклад про аккреационные вспышки. — Рэвон придержал дверь, Йонг выскочила в прохладу вечера перед сонбэ и застыла, потирая одной ногой другую. — Что ты об этом думаешь?

— Прости?

Сонбэ улыбнулся и жестом пригласил Йонг пройти по аллее, ведущей к остановке при институте.

— Что находится по другую сторону чёрных дыр, Сон Йонг-щи? — внезапно спросил Рэвон.

— Я... — Йонг облизнула пересохшие губы. Он хочет обсудить с ней старую как мир тему? — Я считаю, внутри чёрной дыры мир наизнанку вывернут, но... Это просто фантазии, сонбэ.

Она осеклась, взглянула на Рэвона. Мама всегда говорила, что нельзя говорить всё, что она думает, это плохо сказывается на отношениях с людьми в обществе. Но в тени парковой зоны Йонг рассмотрела не смущение на лице сонбэ, а нездоровый блеск в его глазах, который наблюдала всякий раз, когда они заговаривали о работе. Преданный своему делу, почти фанатично исследующий чёрные дыры, Рэвон в этом был похож на Йонг и оттого нравился ей только сильнее.

Сонбэ подал Йонг руку, подходя к остановке. Она на всякий случай обернулась — не поджидают ли их любопытные коллеги, мечтающие разнести сплетни по всему институту, — и только тогда смущённо ухватила за ладонь Рэвона.

— Всё ещё волнуешься, что о тебе будут говорить Юна-щи и Тэгён-щи? — улыбнулся Рэвон. Йонг дёрнула плечом, и он сжал её пальцы в своих, тёплых. Рванный шрам поперёк его ладони привычно царапнул влажную от волнения кожу.

— Немного. Они, ты ведь знаешь, они чересчур мнительные.

Рэвон тихо рассмеялся.

— Это ты мнительная, Йонг.

Пожалуй. Сон Йонг, как и в первые их свидания, чувствовала себя неуверенной и абсолютно не готовой к той волне любви и заботы, что на неё обрушилась с появлением парня. У неё было не так много опыта в отношениях — Рэвон был первым молодым человеком, из-за которого она позволила мечтать о продолжении длиною в жизнь, и эта новая, *жадная* Йонг пугала её.

Они сели в автобус на юг. Сон Йонг удивилась, но виду не показала, хотя всю дорогу, что Рэвон держал её за руку, дрожала от предстоящего разговора.

— Всё... в порядке? — осторожно спросил Рэвон. Йонг моргнула, словно очнулась от короткого сна, и несмело улыбнулась.

— Да. Да. Переживаю за демо-день.

Рэвон кивнул.

— Всё будет в порядке. Ты сделала всё, что могла, и теперь будущее института зависит уже не от тебя.

— Почему? — сбилась с мысли Йонг. — В смысле, правда?

— Конечно. Волноваться следует только о себе, Йонг. Не думай про то, что решат другие.

Этим они отличались кардинально: Йонг не умела бояться только за себя, а вот Рэвон жил в убеждении, что собственное благополучие важнее всего остального. Должно быть, в который раз подумала Йонг, этому его научила сиротская жизнь. Рэвон воспитывался в приюте при каком-то монастыре имени кого-то важного и мудрого и рос без поддержки близких, а потому научился искать свой путь и идти по нему с уверенно поднятой головой. Мама Йонг заметила, что это хорошее качество, которое помогает ему в жизни. Сама она считала так же, но глубоко внутри испытывала жалость, перерастающую

в желание стащить Рэвона с намеченной им дороги, чтобы показать мир. Это рвение она подавляла в себе все полгода, с самой первой их встречи.

— Я думаю, ты права, Сон Йонг-ши.

— Да?

— Да. За чёрными дырами мир, в каком-то смысле, действительно наизнанку...

Они вышли на остановке перед парком: тот переходил в сосновый лес, окольцовывающий промзону, и говорили, что в тёмное время суток здесь лучше не гулять в одиночестве. Но сонбэ вёл Йонг по освещённым асфальтированным дорожкам, вокруг слышался приятный вечерний шорох и шум машин на скоростной магистрали, проходящей позади памятника адмиралу Ли Сунсину.

Йонг замерла в тени бронзовой статуи высотой с Будду и потянулась за смартфоном.

— Тебе так нравится этот памятник? — улыбнулся Рэвон. Девушка смущённо повела плечом, фотография вышла смазанной.

— Он же национальный герой, сонбэ. Самый крутой в истории Чосона.

Рэвон поморщился, но Йонг этого не заметила.

— В истории Чосона было много героев куда важнее выдуманного флотоводца.

Йонг повернулась к сонбэ, не успев сделать повторный кадр.

— Он не... ах, ты пошутил. Прекрати, сонбэ. Ли Сунсин — настоящий герой, а ты вечно оспариваешь его существование. Его же не выдумали.

Они обошли фонтан, пересекли растущие ровным рядом клумбы и углубились в парк, где невысокие клёны сменялись липами. Йонг поёжилась от резкого порыва ветра, и сонбэ придержал её за спину. А потом протянул